

*З.М. Пасютина,
доцент кафедры театрального творчества
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

КНИГА КАК ЧАСТЬ ПРЕДМЕТНОГО МИРА ПЕРСОНАЖА ПЬЕСЫ

Чтение драматургического текста, т. е. режиссерского толкования пьесы, а также отбор предлагаемых обстоятельств, предметного мира пьесы и спектакля рассмотрим с точки зрения практической режиссуры.

Человек живет среди вещей, вступает с ними с определенными отношениями, может стать их пленником, может быть выше их. Он определенным образом ведет себя, и у него есть свои привычки, манеры, странности, отношения с другими людьми, «отношения с предметами». Если все предметы указанные авторами, инвентаризировать или скопировать, не задумываясь о внутреннем социальном механизме сцепления мира, получится быт или еще хуже – бытовщина – одно из самых унылых проявлений театра. Если же на все это посмотрит поэт, быт превращается в бытие:

... Дом. Комната. Мой стол рабочий,
А в нем (ты помнишь?) этот ящик,
В котором столько завалящих
Вещей. Ненужные портфели,
Квитанции, болты, иголки,
Какой-то лампочки осколки,
И запонки, и пара трубок,
Пустой синдетикона тюбик,
Пинцет, пипетка, молоточек,
Истертый рваный кошелечек,
Костяшка (в домино играли),
Билет, не сданный на вокзале,
Какой-то замшевый футлярчик,
И лен, и ниточка, и ларчик,
И пресс, и пробка, и булавка,
Давно просроченная справка,
Перо (подарок деревянный),
На нем есть надпись: «Закопане».
Ключ – от него? Винт – от чего?
Но уж теперь – «ни для чего».

Ты, словом, знаешь этот ящик...
Нем нет сокровищ настоящих,
Но если все переберешь,
Ты сердце вдруг свое найдешь
Среди предметов, там лежащих.
Не нужно, нужно – пусть лежит,
И в час уборки деловитой
Храни весь этот сор забытый
– В нем жизни пережитой след сокрыт,
Ты с ним живешь, не замечая... [2].

Так, в стихах Юлиана Тувима началось с истершегося портмоне, а закончилось Родиной, о которой он написал в эмиграции, когда сердце его разрывалось от любви и боли к захваченной гитлеровцами Польше.

Состав предметного мира многое сообщает о драматургическом тексте, человеку в этом предметом мире. Вспоминается, как в начале спектакля «Три сестры» по пьесе А. П. Чехова Московского театра на Малой Бронной в постановке Анатолия Эфроса на авансцену выбегал молодой офицер, становился на колени и запускал волчок-игрушку из детской, а рядом располагались веселые и радостные герои чеховской пьесы. В финале вновь запускается волчок, за вращением которого теперь уже без улыбок наблюдают все те же люди. Предметы и вещи любой пьесы Чехова обладают собственным особенным художественным смыслом, «досказывающим» содержание самого произведения. Потому что Чехов «... представлял себе людей только такими, как наблюдал их в жизни, и не мог рисовать их оторванными от того, что их окружало: от розового утра, лампы, печки, самовара, фортепиано, гармоники, табаку... от миллиона мелочей, которые делают жизнь теплой», – так писал В. И. Немирович-Данченко [1].

Книга – очень важная часть предметного мира персонажей чеховской «Чайки» (в ряду других: ружье, лото, чучело чайки, медицинская повязка). Роль ее велика в прочтении линии поведения и характеристик героев пьесы, их биографий. Когда мы советуем будущим режиссерам составить таблицу характеристик действующих лиц, в которую должны войти определения, данные самим автором (через ремарки), т. е. что говорит о себе сам герой, что о нем говорят другие действующие лица, то это не просто схема – в этот момент у режиссера зреет замысел, видение того или иного характера.

Нина Заречная, молодая девушка, дочь богатого помещика. Позже мы узнаем, что все богатство отец завещал второй жене: «Несчастливая, в сущности, девушка...», – замечает Аркадина. Можно смело спорить с режиссером, представляющим в спектакле Нину бездарной девушкой, стремящейся стать актрисой только из своих представлений о красивой жизни знаменитых людей, в частности писателей и артистов. Узнав, что на спектакле по пьесе Тrepлева будет Тригорин, Нина восклицает: «Какие у него чудесные рассказы», – и это не пустые слова. В отличие от отставного чиновника Сорина и самого Тrepлева, она их читала. При знакомстве с Тригориним она добавляет: «Я всегда вас читаю». В третьем акте Заречная просит его принять подарок – маленький медальон, где указаны строки 11-я и 12-я из книги «Дни и ночи».

Тригорин. Что ж в этих строках? Тут в доме есть мои книжки?

Аркадина. У брата в кабинете, в угловом шкафу.

В следующей сцене:

Тригорин (*ищет в книжке*). Страница 121... строчка 11 и 12... вот (*читает*): Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Тригорин три раза повторяет эту фразу про себя и просит Аркадину не уезжать. Но манит его явно не столько молодость Нины, сколько знание и признание его творчества. Недаром ведь именно перед Ниной Тригорин раскрывает постулаты своего писательского труда. Существует много предположений и версий о том, что знаменитый монолог Тригорина – как бы «творческий манифест» самого А. П. Чехова.

Трактовка поведения Маши из сцены с Тригориним в третьем акте как опустившейся девушки, не в меру прикладывающейся к рюмке, мягко говоря, неверна. Она влюблена и в самого Тrepлева, и в его творчество: читает его, знает его произведения почти наизусть и хочет понять, почему его не печатают, как Тригорина. Маша очень искренна в своих проявлениях: «Пришлите же мне Ваши книжки, непременно с автографами. Только не пишите “многоуважаемой”, а просто так: “Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете”. Прощайте».

Одна из противоречивейших натур чеховской драматургии – Аркадина – мать Кости Тrepлева, знаменитая актриса и названная жена Тригорина.

Во втором действии читает вслух книгу Мопассана «На воде». Позже Аркадина сама продолжает чтение: «Когда женщина избрала писателя, которого она желает заполнить, она осаждает его посредством комплиментов, любезностей, и угождений... Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ!» А ведь именно эта программа в действии – в сцене с Тригориным в третьем акте: «...Ты самый талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России. У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... О, тебя нельзя читать без восторга!» Перед актрисами, играющими Аркадину в этой сцене с Тригориным, стоит трудная задача до конца быть искренними и органичными, чтобы суметь навсегда заполнить его «своей любовью».

Аркадина так и не смогла оценить литературное дарование своего сына (ведь он написал оригинальную пьесу, и рассказы его печатают в журналах), мало того, она, можно сказать, «способствовала» трагическому финалу его жизни. Когда в четвертом акте доктор Дорн, возражая Тригорину, говорит, что верит в Константина Гавриловича: «Он мыслит образами, рассказы его красочные, яркие, я их сильно чувствую... Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель?», Аркадина отвечает: «Представьте, я еще не читала. Все некогда». Эта реплика потрясает, так как мы понимаем, что Треплев знает, что мама не читала его произведений. В этом трагизм его положения: Нина не любит, мама не понимает...

Как жаль, что он не смог нести свой крест и верить...

---

1. Тувим, Ю. Цветы Польши / Ю. Тувим. – М. : Худож. лит., 1971. – С. 45–46.

2. Немирович-Данченко, В. И. Из прошлого / В. И. Немирович-Данченко. – М. : Худож. лит., 1938. – С. 20.

3. Чехов, А. П. Чайка / А. П. Чехов // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Правда, 1970. – Т. 7. – С. 143–196. – (Библиотека «Огонек»).